

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН В ТРУДАХ АКАД. ВС. Ф. МИЛЛЕРА

**Е. Б. БЕСОЛОВА,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева**

Третий этап в истории осетиноведения называется «миллеровским этапом» [3]. Этот период характеризуется всесторонним изучением осетин, началом исторического и сравнительно-исторического исследования их языка.

Из дореволюционных исследователей горцев Северного Кавказа Вс.Ф. Миллер одним из первых познакомил учёный мир с укладом жизни народов, населяющих этот регион. Он оставил труды по сравнительному языковедению и мифологии, иранистике и кавказоведению, этнографии и археологии, истории и социологии, обычному праву и общественному строю горских народов, литературе и фольклору; они снискали их автору научную славу, вызвав неподдельный и непрекращающийся интерес у изучающих Кавказ по сей день. Свидетельством является признание М.М. Ковалевского в том, что Вс.Ф. Миллеру он обязан не только многими указаниями, позволивши-

ми ему расширить круг его чтений по вопросам первобытной культуры и первобытного права, но и первым его знакомством с бытом кавказских горцев [4].

О вкладе академика Вс. Ф. Миллера в формирование научных интересов исследователей того времени можно также судить по следующему высказыванию М.М. Ковалевского: «При выборе самих приёмов исследования беседы с Миллером принесли мне величайшую пользу. Он был для меня кладом мудрости по всем вопросам, связанным с древнеарийской и иранской культурой, которыми он специально занимался в это время» [5].

Известно, что для компаративистики осетинский язык имеет особую ценность как яркий представитель иранских языков народов России. Этот интерес Вс.Ф. Миллера к осетинскому языку усугубился ещё и тем положением, что уже *тогда* выявилась преемственная связь его носителей с сарма-

тами, скифами и аланскими племенами средневековья.

В течение пяти своих поездок на Кавказ учёный изучал языки, этнографию, фольклор и историю различных кавказских народов, но основной интерес Вс.Ф. Миллера был связан с осетинами и их языком. Учёный понимал, что язык как условие духа и культура как результат деятельности духа неотделимы друг от друга, хотя связь эта диалектически гетерогенна, и что настоящее познание души и культуры народа возможно исключительно через его язык.

Собранный им обширный полевой языковой материал лёг в основу «Осетинских этюдов» (ч.1 — 1881; ч. 2 — 1882; ч.3 — 1887), которые показали, что и языковой материал, и материал народной духовной культуры одинаково важны для осетин, лишённых исторической фиксации фольклора и мифологии, фольклорных и мифологических текстов.

Научный мир высоко оценил труды учёного, считая их появление крупным явлением не только в осетиноведении, но и в иранистике в целом: с опубликованием «Осетинских этюдов» иранское и индоевропейское языкознание пополнилось исключительно важными сведениями о происхождении, становлении и структуре архаичного осетинского языка [3].

Научное наследие Вс.Ф. Миллера в области осетиноведения представлено такими направлениями, как лексикография; публикация текстов; лингвистические изыскания; фольклор, этнография и история; археология и разбор эпиграфических памятников. Впервые *осетинский народ и его язык* стали объектом и предметом исследо-

вания в работах учёного. Понимание того, что язык сам есть составная часть и орудие культуры, дало учёному основание описать его через признаки, общие для всех явлений культуры. Как известно, жизнь и развитие языка тесно и неразрывно связаны с развитием общества, невозможно существование языка вне контекста культуры, средоточием которой и является язык как одна из главнейших форм этнической культуры, как средство её определения и выражения. Ср.: «Язык народа — это его исторический опыт, обобщённый и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях, — пишет профессор В.И.Абаев. — Нет такой стороны, такого закоулка бытия человека, который, так или иначе, не запечатлелся бы в его речи. Каждое слово-понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ, по древности своей конкурирующий с древнейшими памятниками материальной культуры... Язык самое многообразное из проявлений духовной деятельности человека» [2].

Заслугой акад. Вс. Ф. Миллера нужно считать положение, согласно которому осетинский язык относится к одной определённой ветви индоиранских языков — иранской [7]. Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что впервые Вс. Ф. Миллер выявил, что «...между главными и древними группами языков северного и южного склона Кавказа есть родство» [7].

Он первоначально выделяет в осетинском языке три диалекта — иронский (восточноосетинский), дигорский (западноосетинский) и южный [6], но позже акцентирует внимание на двух диалектах и одном «подречье». В вос-

точный диалект Вс.Ф. Миллер вводит алагирцев, куртатинцев, тагаурцев, а в западный — дигорцев, причём двальский представляется ему подречьем иронского [6].

Вс.Ф. Миллер первым предпринял попытку объяснить происхождение диалектов осетинского языка и связал это с распадом иронского диалекта, отсутствием контактов между различными ветвями осетинского народа, разными географическими и историческими условиями их существования. Это, по мнению Миллера, и предопределило разные темпы развития наречий двух основных частей осетинского народа — более продвинутый уровень иронского и отставание дигорского [6]. Учёный обосновал, таким образом, причину, в результате которой изначально единый осетинский язык, в основе которого лежали иронские формы, получил две диалектные формы развития.

В трудах учёного можно найти материал о границах распространения осетинского языка, об архаичности дигорского диалекта; об отношении звуков осетинского языка к звукам иранского праязыка. Вс. Ф. Миллером устанавливается наследие праязыка и дальнейшее его развитие, выявляются вторичные наслоения, которых не было, по его мнению, в праиранском, а также акцентируется наше внимание на «кавказских» согласных звуках, проникших в осетинский язык через заимствования и оставшихся в нём.

Заслуживает внимания и «Программа для собирания материалов по осетинскому языку» Вс. Ф.Миллера [8].

По данной Программе, составленной достаточно профессионально, сбором материалов мог бы заняться

всякий, кто был практически знаком со способами, необходимыми для таких работ, не одно поколение осетинovedов накапливало материал для дальнейших исследований. По этой же Программе накапливался материал для составления обстоятельного осетинско-русского словаря, благо, обильный материал для наблюдений над явлениями осетинского языка содержали разнообразные тексты по осетинской народной словесности с переводом на русский язык, собранные Вс.Ф. Миллером.

Учёному удалось ввести осетинский язык в систему сравнительной грамматики индоевропейских языков благодаря примененному комплексному характеру изучения богатейшего материала. Он первым детально и основательно разработал историческую грамматику и историческую лексикологию осетинского языка, подняв сравнительно-историческое изучение осетинского языка на невиданную высоту [1].

В области лексики крупнейшим достижением осетинской лексикографии явилось создание трехтомного «Осетинско-русско-немецкого словаря» под редакцией и с дополнениями А. Фреймана (1927-1934), фиксирующего лексическое богатство обоих осетинских диалектов. Тщательность отбора, лексикографическая обработка материала, богатство фольклорно-этнографических иллюстраций позволяют до сих пор использовать его в качестве основного и незаменимого справочника по осетинской лексике.

Уже тогда акад. Миллер понимал необходимость привлечения широкого этнокультурного контекста при рассмотрении лексики и фразеологии,

связанными с традиционными обрядами, обычаями и религиозными верованиями осетин. Обращение учёного к лексике и фразеологии позволило установить статус слова, возникшего и функционирующего в этнической среде, в сфере народной культуры, а также определённую динамику развития осетинского языка. Его внимание приковано также к структурно-семасиологическому аспекту лексикологии; лексические факты в ряде работ Вс.Ф. Миллера рассматриваются на широком этнокультурном фоне, в контексте народного быта, обрядов, обычаев, мифологии осетин.

Как видим, язык понимается учёным как одна из главнейших форм этнической культуры, как средство её определения и выражения. Подобный подход к языку сквозь призму его духовной культуры привёл Вс.Ф. Миллера к мысли, что народная культура является не менее ярким показателем этноса, чем язык [6].

Осетинская лексика, собранная учёным, представляет собой, на наш взгляд, *добротный материал для создания «Сравнительного национально-атласа осетинского языка (синхронно-диахронического)», охватывающего единую территорию Осетии с её диалектами, наречиями и говорами. Синхронический аспект Атласа должен быть дополнен материалом исследования осетинского языка четвёртого этапа осетиноведения.*

Собранные в годы поездок Вс.Ф. Миллера в Осетию тексты составили первую часть «Осетинских этюдов», опубликованных в 1881 году. Издание «Осетинских сказок», текстов «Дигорских сказаний» с комментариями и в русском переводе были для

того времени выдающимся событием, потому что до акад. Миллера на осетинском языке издавались исключительно переводы церковных книг, почти не имевших культурной и лингвистической ценности. Тексты учёного содержат образцы иронского и дигорского диалектов, а также туалъского говора. К числу достоинств публикаций В.И.Абаев относит «безупречный языковой и фольклорный материал, точность в передаче фонетической стороны, отличный перевод и ценные примечания» [1], но омрачаются эти преимущества неудовлетворительной акцентуацией, законы которой, к сожалению, в то время не были ещё ясны. Среди изданных Миллером осетинских текстов половину составляют так называемые «Нартовские сказания», очевидные достоинства которых были отмечены при составлении сводного текста нартского эпоса, вышедшего в 1946 году в гор. Дзауджикау (Владикавказ).

Вс.Ф. Миллеру принадлежит первенство в исследовании осетинской народной словесности, уходящей корнями в духовную культуру народа.

В ряде работ ему удалось, на наш взгляд, проследить историю и эволюцию этой культуры в главных её чертах и получить определённое представление о её структуре. См., к примеру, статью «Черты старины в сказаниях и быте осетин». В ней сопоставляются не одни фольклорные мотивы с другими, а фольклорные мотивы и исторические реалии.

Особо хочется выделить вторую часть «Осетинских этюдов», а именно седьмую главу под названием «Религиозные верования осетин» [7].

Религиозные верования осетин, по Вс.Ф. Миллеру, имеют сложную историю происхождения и эволюции, связаны они с трудностями исторического развития народа, с формированием его идеологии. Учёный выявил истоки религиозных верований осетин и пришёл к выводу, что многие архаические черты в религии и быту осетин ведут начало из скифо-сарматского мира. В мозаике религиозных представлений осетинского народа Вс.Ф. Миллер нашёл пережитки почти всех древних форм религии.

Наше внимание привлекла терминология, которая, как известно, является частью плана выражения народной духовной культуры, а не просто фактом языка.

Религиозный термин служит в работе Вс.Ф. Миллера «Религиозные верования осетин» семантическим стержнем, организующим обрядовые и мифологические формы народной культуры, в то же время «культурное» содержание и функции, безусловно, углубляют собственно языковую характеристику термина. Учёный выясняет, в какой мере в языке, в названиях религиозных обрядов осетин сохранилась память о явлениях духовной культуры их предков. Его интересует, как же в свете этнографических данных выглядит языковой материал, который, по замечанию В.И. Абаева, тщательно собран, вполне надёжен и проверен о таких сторонах прошлой жизни осетин, какие теперь в значительной части не могут уже быть предметом прямого наблюдения [1].

Полная глубинная мотивация всех религиозных терминов дана Вс.Ф.

Миллером на основе учёта их связей с соответствующими этнографическими реалиями. По его мнению, содержание верований, которым, в отличие от обрядности, не присущи невербальные формы выражения, тесно связано с языковым выражением.

По наблюдениям учёного, есть и такие виды верований, которые воплощаются в словесных текстах стойкой структуры, — они приближаются по своему характеру к собственно фольклорным текстам, потому что отличаются от них только лишь клишированностью языковой формы и меньшей стабильностью текста. Но есть и такие виды верований, которые, подобно обрядам, не имеют необходимого словесного выражения. Одним словом, метаязык верований практически совпадает с общеупотребительной лексикой, с языком вообще.

Специфической для него является лишь мифологическая терминология.

Это имена и названия мифологических персонажей, объектов и действий колдовства, магии, названия болезней и т.п., а также лексика, имеющая отчётливую «культурную» мотивировку внутренней формы.

Вс.Ф. Миллер как бы акцентирует наше внимание на том, что без понимания характера связи между термином и реалией, рядом терминов и рядом этнографических элементов возможность использования терминологии как источника культурной информации неполноценна.

Вклад Вс.Ф. Миллера в историю изучения прошлого осетинского народа, как видим, настолько велик, что даёт учёному право занять почётное место в истории осетиноведения.

1. *Абаев В.И.* Всеволод Миллер как осетиновед // Изв. ЮОНИИ АН ГССР. Сталинир, 1948. Вып. VI. С. 23.
2. Там же. С. 22.
3. Там же. С. 25.
4. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т.I. С. 9.
5. *Исаев М.И., Токазов Х.А.* Осетинское языкознание: становление и задачи // ВЯ. 1985. №6. С. 111.
6. Там же. С. 112.
7. *Ковалевский М.М.* Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Личные воспоминания // Вестник Европы. 1910. Кн.5. С. 181.
8. *Ковалевский М.М.* Памяти Всеволода Фёдоровича Миллера // Этнографическое обозрение. 1914. №3, 4. С. 365.
9. *Миллер Всеволод.* Осетинские этюды. М., 1882. Владикавказ, 1992. С. 30.
10. Там же. С. 45.
11. Там же. С. 216.
12. Там же. С. 421.
13. *Миллер Всеволод.* Осетинские этюды. М., 1887. Владикавказ, 1992. С. 598.
14. Там же. С. 500.
15. Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. // Изв. Кавказского отдела Импер. Русского географического общества. М., 1887.